

XIV. Социология: большие ожидания

1. Ходячее мнение или научное понятие?
2. Большие ожидания.
3. Рабочий в зеркале социологии.
4. Когда же придет специалист? *Д. Зюзин, В. Переведенцев.*
Еще раз о подготовке социологов.
5. Откуда берутся социологи?

ХОДЯЧЕЕ МНЕНИЕ ИЛИ НАУЧНОЕ ПОНЯТИЕ?*

В отличие от большинства научных работников, социолог обычно изучает явления, о которых многие люди имеют какое-то представление. Иногда оригинальное, чаще – общепринятое, иногда новое, чаще – стереотипное. Представления эти иногда более или менее правильны, иногда ошибочны. Но всегда живучи. Они не только испытывают влияние научных представлений, но, к сожалению, и сами влияют на науку.

Приведу примеры ошибочных мнений из наиболее близкой мне области. Принято, например, считать, что уход молодежи из села – явление вредное. Нередко пишут, что нужно вести работу по закреплению школьников на селе, но ведь в колхозах некоторых областей и республик рабочей силы в два раза больше, чем нужно. Разве не ясно, что уход в город молодого колхозника в таких обстоятельствах надо оценивать совсем иначе, чем такой же поступок молодого сибиряка?

Или взять вопросы рождаемости. Распространенное мнение: чем выше уровень жизни, тем больше детей в семье. Ни статистика, говорящая об обратном, ни научные доводы здесь силы как бы не имеют. Собственное ощущение, что вот, дескать, он, Иван Иванович Иванов, имел бы детей больше, если бы у него зарплата была повыше или квартира попросторнее, оказывается, для него куда убедительнее.

Разумеется, бурное развитие нашей социологии вызвано в первую очередь потребностью в научном подходе к управлению общественными процессами. Мне представляется, однако, что у социологии имеется и другая важная задача – формирование общественного мнения, замена в сознании людей обыденных, стереотипных представлений научными. Пока она с этим, пожалуй, не справляется. Бывает, что побеждают именно стереотипные представления, которые переносятся из массового обыденного сознания в науку. Тогда научные работы наполняются ненаучными рекомендациями.

Возьмем в качестве примера изучение текучести рабочей силы. О важности этого явления говорить излишне – так много об этом писали. Изучали текучесть долго и упорно. Каков же результат? Через 8 лет после начала изучения этой проблемы вышли две обобщающие коллективные книги: «Пути ликвидации текучести кадров в промышленности СССР» большого коллектива московских авторов (редактор В.Н.

* Литературная газета N 134, 12 ноября 1966 г.

Статья опубликована в новой рубрике «ЛГ» - «Социология». В этой же рубрике в данном номере газеты представлена статья В.А. Ядова «Ответственность».

Ягодкин, издательство «Мысль», М., 1965) и «Движение рабочей силы на промышленных предприятиях» коллектива ленинградских авторов (Л.С. Бляхман и др., издательство «Экономика», М., 1965). Я пишу не рецензию на эти книги. Во избежание недоразумений скажу, что эти книги – лучшее, что у нас издано в последние годы по проблеме текучести. Мне, однако, представляется принципиально неправильным центральное положение этих работ – мнение о необходимости ликвидировать текучесть рабочей силы. Особенно ярко оно выражено в книге москвичей: не только в заглавии, но и в содержании.

Итак, ликвидировать! Полное единодушие с практическими работниками. Рискую вызвать резкие нападки, попробую поспорить с этим утверждением.

Что такое текучесть? Скажу словами московских авторов – это неорганизованное движение кадров между предприятиями. К текучести относятся увольнения: по собственному желанию и за нарушение трудовой дисциплины. Доля нарушителей мизерна, и о них мы говорить не будем. Итак, лозунг «ликвидировать текучесть» означает – ликвидировать переходы работников с предприятия на предприятие по собственному желанию.

Но разве эти переходы всегда вредны для общества?

Вот рабочий, имеющий хорошую профессию и высокую квалификацию, переходит на другое предприятие и работает не по своей профессии только потому, что заработок там выше. Нельзя не согласиться, что это – случай нежелательный. Но вот квалифицированный рабочий, работавший не по специальности или на работах ниже своей квалификации, переходит на другое предприятие, чтобы работать по своей профессии и квалификации. Неужели этот переход тоже вреден? А ведь это случай достаточно обычный. Воспользуюсь фактами из книги ленинградцев. В таблице 18 показано, как изменился разряд рабочих при переходе. Из тех, кто имел на прежнем месте работы первый разряд, он сохранился лишь у половины. 24 процента перешедших получили второй разряд, 12 процентов – третий, 10 процентов – четвертый, а 4 процента – даже пятый и шестой. Почему и зачем надо мешать этим людям в смене места работы?

Но пойдем дальше. Всем, кто интересовался текучестью, известно, что особенно велика она у молодежи. Выявлено много причин этого. Но кажется, никто не заметил такой: молодость – время жизнеустройства, время выбора основного дела. Замечали ли вы, что люди, не любящие свое дело, – несчастные люди? Что может быть хуже нелюбимой работы? Допустим, что это редкость. Но разве редкость, когда работа только терпима? Разве редко бывает так, что работа – лишь источник заработка? Приведу факты. Несколько лет назад в Ленинграде было проведено исследование отношения молодых рабочих к своей работе и профессии. Нет оснований сомневаться в добросовестности этой

работы. Оказалось, что из каждых 100 опрошенных удовлетворен работой только 41, профессией – 43, не удовлетворены работой – 16, профессией – 13. Остальные не имеют определенного мнения. Надо ли мешать людям, недовольным работой и профессией, сменить их?

Но может быть, это недовольство можно устранить иначе? Для ответа надо решить, откуда это недовольство берется. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что часто оно возникает из-за неправильного выбора профессии. Как выбирает профессию молодой человек, вчерашний школьник? Одному что-то подсказали в школе, другому – родные, третьему – друзья. Многие ли школьники имеют достаточно серьезное представление о специальности, которой хотят овладеть? Знают ли они о существовании профессий, может быть, более подходящих к их интересам, способностям и возможностям? Может быть, у нас есть система профессиональной ориентации молодежи и профессионального отбора? Нет, пока мы такой системы не имеем. И для большинства молодежи единственный путь выбора профессии – путь проб и ошибок. Путь, что и говорить, далеко не совершенный, но, пожалуй, пока неизбежный. Я не говорю уже о тех, кому приходится приниматься за любую работу, потому что другой не находится. Почему же человеку, выбравшему профессию неудачно, не сменить ее? Не больше ли мы потеряем, чем выиграем, если «ликвидируем» эту часть текучести? К сожалению, в научных трудах по текучести кадров эти довольно-таки простые вопросы даже не поставлены.

Большинство исследователей текучести пытается рассматривать ее изолированно, в «чистом виде», без связи с другими социальными явлениями.

А ведь в жизни такие связи есть. И весьма прочные. В частности, текучесть рабочей силы неразрывно связана с миграцией населения. Прирост рабочей силы в городах в значительной мере определяется переселением сельских жителей. Из села приходят, как правило, люди без специальности или со специальностью, не нужной городу. Естественно, что сначала они попадают отнюдь не на лучшие рабочие места. Вчерашние сельские жители поступают, как правило, на разного рода подсобные работы в промышленности и строительстве, проходят индивидуальное ученичество и т.д. Но через некоторое время новые горожане осваивают новую специальность, повышают квалификацию. И, естественно, переходят на лучшую для них работу. Эти перемещения далеко не всегда могут произойти в рамках отдельных предприятий. На место уволившихся приходят новые контингенты бывших сельских жителей. Интересно было бы знать, как представляют себе этот процесс сторонники «ликвидации» текучести, если системы регулирования движения кадров между предприятиями у нас пока нет?

Далее. Человек приехал в большой город. Сотни объявлений зовут его на сотни предприятий. В одном месте – работа по специальности, но нет общежития. В другом – наоборот. Здесь, говорят, выше зарплаты, а там – интереснее работа. Быстро сориентироваться не так-то просто. Ничто не гарантирует человека от решения, которое покажется ему неверным через неделю или месяц. Вновь увольнения.

Возьмем, наконец, такой банальный случай: поженились молодые люди, жившие раньше в разных городах (или даже в разных районах одного города). Видимо, один переедет к другому.

Нет смысла перечислять все возможные случаи, при которых желательны или неизбежны увольнения по собственному желанию. Из сказанного уже ясно – полностью ликвидировать текучесть, сколько бы к этому ни призывали, нельзя. Можно, конечно, ее упорядочить, если создать в стране службу труда, которая занималась бы всеми сторонами движения рабочей силы. Но это уже иной вопрос.

Не трудно видеть, что в термине «текучесть» объединены перемещения рабочей силы как вредные, так и полезные для общества. Но в десятках известных мне работ по этой проблеме нет и попытки классифицировать увольнения по признаку их народнохозяйственного и социального значения.

Так что же делать с текучестью? – может спросить меня читатель. Статья посвящена иному вопросу. Но коротко ответить можно. Пытаться ликвидировать текучесть бессмысленно. Надо стремиться ее оптимизировать, то есть сделать ее наиболее выгодной с точки зрения экономического и социального развития страны. Прежде всего ее надо разделить на полезную, нейтральную и вредную. Система мер по оптимизации текучести должна поощрять полезную текучесть, быть безразличной к нейтральной и уменьшать вредную. При этом надо стоять на точке зрения народнохозяйственной, а не отраслевой и тем более не на точке зрения отдельного предприятия. Вредная текучесть должна сокращаться всеми мерами и до тех пор, пока это дает эффект, то есть пока затраты на это сокращение меньше получаемого от сокращения эффекта.

Результаты исследования текучести рабочей силы, если отвести к ним внимательно, могут многому научить. В частности, они учат тому, что сложные социально-экономические явления нельзя рассматривать с узкоэкономических позиций. Что чисто социальная сторона в таких сложных явлениях может быть не менее важной, чем сторона экономическая. Что важные общественные явления следует рассматривать, по возможности, во всех опосредствованиях, как того требовал В.И. Ленин. В частности, мне представляется, что в изучении текучести рабочей силы одним из важнейших может быть аспект влияния текучести на личность работников. Здесь не удастся обойтись

отдельными примерами того, что наиболее уважаемый работник на таком-то заводе – человек, проработавший непрерывно столько-то десятков лет. Такие факты очень любят журналисты. Для науки же они ничего не дают. Нужно провести социологическое исследование. Не исключено, что оно наилучшим образом подтвердит общеизвестный вывод народного опыта, а именно – высокую оценку «бывалых» людей, то есть бывавших в разных местах, сталкивавшихся с разными людьми, переживших различные житейские ситуации. При этом едва ли так уж важна формальная, по существу, сторона дела: переводили ли их по работе или они переходили сами.

Советская социология набирает силы. Сейчас важно критически рассмотреть имеющийся уже опыт конкретных работ. Чем больше нам удастся извлечь из этого опыта, тем успешнее будут решены задачи социологии.

Новосибирск

В. Михайлов, В. Переведенцев,

БОЛЬШИЕ ОЖИДАНИЯ*

Повод для этой статьи — всесоюзное совещание «Количественные методы в социальных исследованиях», прошедшее недавно в Сухуми. Авторы прежде всего интересовали сегодняшнее положение в социологии, насущные проблемы ее развития в нашей стране.

От социологии ждут многого. Долгие и шумные дискуссии о том, что такое социология вообще и конкретная (она же эмпирическая), в частности, позади. По последним данным, в нашей стране имеется более ста научных ячеек, призванных заниматься социологическими исследованиями. Осознано большое общественное значение этой науки. «В основе всех социальных решений должны лежать социологические исследования», — говорилось в докладе академика А. М. Румянцева. На совещании утверждалось даже, что на смену «веку физики» приходит «век социологии». Экономическая реформа выдвинула много новых социальных проблем. От успешного их решения в немалой мере зависит успех самой реформы. Ожидается, что социология предложит оптимальные методы решения нынешних и завтрашних социальных задач. Предполагается, что количественные методы приблизят социологию по точности знаний к естественным наукам, что это приведет к появлению «социальных инженеров!».

Но есть и скептики. «А что дала социология?» «А что она открыла такого, что не было известно без нее?» На совещании в Сухуми таких вопросов не задавали. Но совсем недавно их пришлось услышать в одном высокоученом собрании из уст очень известного философа. Зададим эти вопросы и мы. И попробуем ответить. Иногда социологию пробуют сравнивать с экономикой, к вящей славе экономических наук и ради поношения социологии. Это бесплодное сравнение. Экономические науки многие десятилетия развивались все-таки в относительно благоприятных по сравнению с социологией условиях. Существуют десятки научно-исследовательских экономических институтов, учебных институтов и факультетов. Существует, наконец, около 500 докторов и около 8 000 кандидатов экономических наук.

* Литературная газета № 24, 14 июня 1967 г.

Ни одного института, ни одной кафедры по социологии у нас нет. И все же социология кое-что дает. Что именно? Ну, вот, например.

Недавно правительство приняло постановление о переходе на пятидневную рабочую неделю. Ему предшествовали многолетние исследования бюджета времени трудящихся. Они-то и показали решительные преимущества пятидневки не только в экономическом, но и в социальном плане. Кроме того, исследователи имеют «задел», еще не использованный в социальной практике, но готовый к использованию. Так, работы новосибирцев по социальным проблемам молодежи не только можно, но и нужно скорее использовать в планировании народного образования.

Скептицизм по отношению к эмпирической социологии часто питается неумением или нежеланием различать разные уровни познания действительности. «Я и без социологии знаю, что сын интеллигента чаще становится научным работником, чем сын колхозника», — говорит скептик. Но суть вопроса не в том, что «чаще», а в том, «насколько чаще». И какие это имеет последствия. Наконец, нередко скептики утверждают, что последствия многих социальных процессов самоочевидны. Но они знают о чем-то именно потому, что социологи это **установили**, не зная, что это установили **социологи**.

Мы отнюдь не относимся к числу скептиков. Конкретная социология уже кое-что дала. Она может дать неизмеримо больше. И уже дала бы много больше, если бы...

Социология без... социологов

Этот заголовок не от любви к парадоксам. К сожалению, он отражает действительное положение. «В СССР нет ни одного профессионально подготовленного социолога». Это слова видного новосибирского ученого В. Н. Шубкина. Они были сказаны на заседании президиума Советской социологической ассоциации и научного совета по социологии АН СССР. Их слышали десятки людей. Никто не возразил. Наоборот, этот мотив развили и усилили. «Кадры, кадры, кадры и еще раз кадры. Без этого ничего хорошего не будет». Это говорит уже В. А. Ядов — известный ленинградский исследователь.

Можно ли представить себе физику без физиков, геологию без геологов, историю без историков? Без физиков нет физики. А есть ли социология без социологов? Кто работает в тех ста с лишним научных социологических ячейках, которые сейчас существуют в стране? Философы и экономисты, демографы и этнографы, математики и психологи, юристы и географы, статистики и логики, учителя и инженеры... и кто только не работает!

Специалисты многих наук в социологии... В самом этом факте нет ничего плохого. Столь широкий и активный интерес к социологии знаменателен. Он говорит о том, что

социологические проблемы интересуют работников разных специальностей. Однако необходима достаточно сильная группа социологов, которая могла бы **задавать** тон. Без этого условия социология не столько социология, сколько социальные аспекты других наук. Это попытки (иногда удачные) решить некоторые пограничные с социологией проблемы своей науки. Решить наличными силами. Обычно — кустарно. Отсюда — безбрежный дилетантизм. «От дилетантизма — к высокому профессионализму!» Этот призыв был весьма сочувственно встречен участниками совещания. Но не останется ли он лишь призывом, если не произойдет коренных изменений в подготовке кадров и организации научной работы? Не затянется ли «дилетантский период» в социологии?

Пока ни один вуз не готовит социологов. Даже если такая специальность будет введена в следующем учебном году (а надежды слабы), первые профессионально подготовленные социологи появятся лишь через несколько лет. Аспирантура по социологии крайне малочисленна.

Высказывается мнение, что социологов можно быстро и хорошо подготовить из преподавателей общественных наук в институтах усовершенствования. Мы сомневаемся в этом. Как могут подготовить социологов люди, которые сами не знакомы с социологией? Или знакомы с ней только теоретически? И вообще словесное обучение кажется нам не самым главным в подготовке специалистов по **эмпирической** социологии.

Поскольку возможности серьезной теоретической подготовки социологов пока весьма ограничены, необходимо хотя бы наладить обучение в самом процессе исследований. Но опять-таки при некоторых необходимых условиях. Прежде всего — при условии правильной организации научной работы. В эмпирическую социологию, к сожалению, перенесена совершенно неподходящая для нее организация дела. Это работа одиночек. Или малых групп, в которых старших научных сотрудников примерно столько же, сколько и лаборантов (а то и больше!). В философии, возможно, так и надо. В эмпирической социологии — это абсурд. Ибо наиболее трудоемкая часть работы — сбор, исходных данных. Большая часть времени старшего научного сотрудника уходит на чисто механическую работу. Ее с успехом может выполнить лаборант со средним образованием. Дело не только в том, что незачем платить за лаборантскую работу вчетверо большую зарплату. Главное в том, что изнурительная механическая работа не позволяет старшему научному сотруднику подняться на современный научный уровень. Освоить то, что сделано другими, подготовить себя как **научного** руководителя коллектива, чтобы младшие сотрудники могли многому научиться у него. Ведь передача опыта менее знающему в совместной работе — основа быстрого научного роста кадров.

Мы глубоко убеждены, что один высококвалифицированный специалист с десятью лаборантами в эмпирической социологии может сделать больше, чем пять столь же знающих и опытных научных работников без лаборантов. Это редкий случай, когда правило «числом поболее, ценою подешевле» оправдывается. Кстати, это уменьшает и потребность в кадрах высшей квалификации.

Методологи и эмпирики

По пути в Сухуми мы ожидали услышать доклады примерно такого содержания: ставилась такая-то научная задача, были использованы такие-то материалы, методы их сбора были такими-то, обработаны они были так-то, получилось то-то, смысл полученного такой-то.

Мы ошиблись. Такие доклады составляли редкое исключение. Большинство докладов было примерно на тему о том, **как можно** сделать ту или иную работу. Излагалась методология и методика предполагаемая, а не проверенная. А каждый исследователь знает, что это далеко не одно и то же.

Были и доклады, где с места в карьер излагался математический аппарат решения некоторой задачи, обычно также предполагаемой, без какого-либо осмысления ее места в научных исследованиях. Были доклады и выступления философские, математические, логические, были на уровне «ползучего» эмпиризма.

Временами складывалось такое впечатление, что одни учат, как надо делать, не сделав ни одной работы сами, другие делают, не зная, как надо делать. Разверзлась пропасть между свободным полетом мысли, не сдерживаемым никакими фактами, с одной стороны, и бескрылым изложением неосмысленных фактов, — с другой.

Были, конечно, и великолепные доклады со строгой дозировкой теории, методики и конкретного материала. На заключительном заседании специально отметили доклад Т. И. Заславской (Новосибирск) по факториальному анализу социальных процессов. Дело в том, что она доложила результаты **проведенной многолетней** работы, а не «взгляд и нечто». Очень интересен был доклад Ю. А. Левады, В. Н. Шубкина и Ю. Н. Гаврильца о перспективах применения количественных методов в социологии. Доклад реалистичный и оптимистичный, повышающий уважение к методологии и методологам. Разрыв между методологией и эмпирикой кажется нам одной из главных болезней нашей социологии. Нужен какой-то социологический ликбез.

Другая сторона — отношения социологов и математиков. Считается, что существует математическая социология. Это дело социологов. Но нужна и социологическая математика. Это дело математиков. И если социолог для успешных занятий

математической социологией должен освоить математику, то математик для успешных занятий социологической математикой должен освоить социологию. Многие видные математики считают, что современный математический аппарат не приспособлен к описанию социальных явлений и необходимо создание специфического, адекватного сложным социальным явлениям специального аппарата. И здесь также нужна взаимная ликвидация неграмотности. Комичны случаи, когда после математической обработки обнаруживается, что модель «не работает». Обнаруживается чисто качественными методами. Поскольку полученный результат начисто расходится со здравым смыслом. Нужен не только математический ликбез социологам, но и социологический — математикам.

На том ли экономим

Далеко не блестящее положение социологии нам было известно и раньше. Но особенно наглядно это было показано на заседании президиума социологической ассоциации сразу после сухумского совещания.

Нет научного центра. Нет кадров. Нет подготовки кадров. Нет журнала. Нет учебника. Нет популярной литературы. Нет, нет, нет...

Было время, когда существовали сомнения: а нужно ли? Теперь как будто не сомневаются. Во всяком случае, сомнений публично не высказывают. В чем же теперь причина? Формально основной довод — недостаток средств. Нет средств, чтобы открыть Институт социологии. Нет средств на журналы. Будем экономить. А на том ли экономим? И экономия ли это вообще? Как бы то ни было, конкретной социологией занимаются (или пытаются заниматься) многие тысячи людей. Занимаются неквалифицированно, с малой отдачей. Начало и конец социологии часто видят в анкете. Любители наглядности могут уже вычислять, сколько раз можно обернуть земной шар по экватору заполненными анкетами, если их вытянуть в одну линию. А результаты?

«Экономия» оборачивается расточительством. В конечном счете, не так уж важно, по какой строке бюджета проходят затраты на социологию и по бюджету какого учреждения. Затраты эти уже велики. А отдача могла бы быть несравненно больше теперешней.

Неужели журнал «Социология» требует больших затрат? Уверены, что при хорошем его ведении он немедленно даст прибыль, прямую и непосредственную. Не говорим уже о том, что он, несомненно, подымет научный уровень тех, кто хочет стать социологами. Журнал стимулирует появление новых работ, а сами эти работы будут повышать уровень социологов. Сегодня самодеятельные социологи пытаются обучаться по чужим учебникам, по переведенным монографиям, по статьям в зарубежных журналах, по

машинописным переводам лекций, прочитанных в учебных заведениях Польши. Потому что нет своего учебника. И это тоже экономия? Думать, что можно сэкономить на Институте социологии или социологическом журнале, — это примерно то же, что думать об экономии на подойнике, если не доить корову.

От социологии многого ждут. Надо создать такие условия, чтобы эта ожидания оправдались.

РАБОЧИЙ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИИ*

Каждое хорошее социологическое исследование выполняет три задачи: разрушает предрассудки, расширяет и углубляет знания, ставит новые проблемы.

Крупнейшее событие советской эмпирической социологии этого года — выход книги ленинградских ученых **«Человек и его работа» (руководитель исследовательского коллектива — В. Ядов)**. Тема книги — отношение молодых промышленных рабочих к труду.

Для науки это далеко не новая тема. И, естественно, возникает вопрос — что может добавить социология к многочисленным экономическим исследованиям? Но у социолога и экономиста — различные подходы. Если для экономиста важно, насколько работник соответствует требованиям производства, то социолога интересует, насколько работа соответствует потребностям человека, какие возможности дает она для развития личности и т. д.

Итак, посмотрим с точки зрения социолога на содержание труда молодых промышленных рабочих Ленинграда. При этом надо иметь в виду, что объект рассмотрения — «трижды» передовой. Молодежь — во многих отношениях передовая часть рабочего класса, промышленность — передовая часть народного хозяйства, Ленинград — передовой промышленный центр.

Какой труд лучше?

Люди, далекие от производства, ценят обычно ручной труд много ниже механизированного. Механизация и автоматизация, дескать, — магистральное направление развития производства (что, в общем-то, правильно), и потому с ручным трудом надо побыстрее покончить. Вообще в литературе существует мнение, что ручной труд — чуть ли не главное препятствие на пути превращения труда в жизненную потребность. При таком «валовом» подходе труд грузчика и, скажем, слесаря-лекальщика как бы уравнивается.

Сами же рабочие относятся к разным видам труда весьма дифференцированно. Это и обнаружил опрос. По совокупности показателей (выполнение норм и качество работы, участие в рационализации, удовлетворенность специальностью, понимание общественной значимости своего труда и т. д.) на первом месте стоят рабочие, занятые управлением и наладкой автоматического оборудования. А сразу после них идут рабочие

* Литературная газета № 47, 22 ноября 1967 г.

квалифицированного ручного труда. Да, да, именно ручного! По всем показателям они оставили далеко позади не только неквалифицированных рабочих ручного труда, но и рабочих конвейера, станочников, занятых на обычных станках и даже на станках-полуавтоматах. Вот тебе и ручной труд! Да и пультавики-автоматчики высоко ценят именно ручной труд, связанный с наладкой, а отнюдь не «нажатие кнопок».

И это не случайно. Дело в том, что квалифицированный ручной труд (преимущественно слесарный) наиболее содержательный, разнообразный. Он дает возможность проявить инициативу, сообразительность, заставляет изобретать. Рабочий особенно высоко ценит именно творческие возможности труда. И хотя заработки здесь не самые высокие, удовлетворенных **работой в целом** в этой группе значительно больше, чем в **любой** другой.

Обратим внимание вот на что. Доля пультавиков-наладчиков автоматического оборудования среди рабочих промышленности мала. А доля рабочих квалифицированного ручного труда велика, и не только не сокращается, но быстро растет. Так, число слесарей в промышленности увеличилось с полутора миллионов в 1959 году до 2,4 миллиона в 1965 году, а их доля в промышленно-производственном персонале поднялась с 7 до 9 процентов.

И оказывается, что подлинная проблема заключается отнюдь не в ликвидации ручного труда, а в том, чтобы повысить «содержательность» многих видов механизированного труда, снизить усталость от однообразия, монотонности, принудительного ритма работы на конвейере. Если доля неквалифицированного ручного труда (грузчики, подсобные рабочие, такелажники и т. д.) будет сокращаться, а в перспективе исчезнет вообще, то ликвидировать конвейер нельзя. Ибо это наиболее выгодная экономически форма организации труда во многих видах производства.

Постараться же «снять» отрицательное воздействие на человека работы на конвейере необходимо. И авторы книги предлагают некоторые меры, о которых я скажу дальше.

А теперь обратимся к проблеме образования.

Проблема образования

В одной из лучших работ по экономике труда, изданной в 1959 году, утверждалось, что повышение квалификации производственников «в настоящее время встречает значительные затруднения в связи с их недостаточной общетеоретической подготовкой». Однако в Ленинграде уже в 1961 году дело обстояло иначе. Уровень образования рабочей молодежи был несравненно выше требований, предъявляемых производством. Даже 14

процентов рабочих неквалифицированного ручного труда в возрасте до 30 лет имели среднее общее, среднее специальное и незаконченное высшее образование.

Есть такое мнение — чем выше образование рабочего, тем лучше для производства. Но **конкретная** социология подсказывает — дело обстоит далеко не так просто.

Обследованием установлено, что с повышением образования растет понимание общественной значимости труда. Так, $\frac{2}{3}$ тех, у кого образование ниже 7 классов, считают, что главное в работе — уровень заработка. А $\frac{2}{3}$ лиц со средним образованием называют главным смысл работы, ее пользу для общества. Но, с другой стороны, чем выше образовательный уровень рабочего, тем большее значение приобретают для него содержание труда, его творческие возможности. И это прямо сказывается на производительности.

Вот характерные цифры. Среди занятых ручным квалифицированным трудом лучшие показатели у наиболее образованных (в среднем 8,9 класса), самые низкие — у наименее образованных (7,1 класса).

На конвейере — механическая, нетворческая работа. Тут все наоборот. Лучшие показатели — у наименее образованных. Образование, так сказать, «мешает» производительности.

Таким образом, вскрывается серьезная **социальная** проблема. Уровень образования рабочего класса быстро растет, а современному производству такой рост не всегда выгоден.

Посмотрим на эту проблему в масштабе всей страны. В 1939 году из 1000 промышленных рабочих только 99 имели образование в объеме 7 классов и больше. В 1959 году таких рабочих было уже 451, в 1966 году — 584. Однако число рабочих, характер труда которых требует семилетнего и более высокого образования, составляет в промышленности СССР всего 30 процентов.

В 1959—1964 годах прирост доли рабочих со средним образованием был невелик. Школу кончали родившиеся в военные годы, их было мало, и большинство продолжало учебу в вузах. Теперь положение изменилось. Число выпускников резко выросло, и большинство включается в народное хозяйство сразу после школы. К 1970 году намечается перейти к всеобщему среднему образованию. Это означает, что уже в начале семидесятых годов среднюю школу и техникумы будут ежегодно кончать примерно 5 миллионов человек. В вузы же, включая вечерние и заочные, будет поступать немногим более миллиона.

Из того факта, что уровень образования рабочих существенно обгоняет требования промышленности, отнюдь еще не следует, что надо сдерживать желание молодежи

учиться. Ведь в современных условиях знания имеют не только экономическое (а тем более узкопроизводственное), но и самое широкое социальное значение. Образование выступает, в частности, как один из путей и одно из основных условий разностороннего развития личности.

Тем не менее возникшую проблему нужно как-то решать. С одной стороны, следовало бы более правильно расставить на производстве людей с разным уровнем образования. Ведь, по данным опроса, даже среди рабочих, занятых управлением и наладкой автоматического оборудования, 12 процентов не окончили и семилетки.

Главный же путь, который позволит в значительной мере решить проблему, заключается, по мнению авторов книги, в том, чтобы «более смело использовать... закон перемены и сочетания труда». К сожалению, они не очень щедро раскрывают смысл этого положения.

Мне кажется, что решение можно изложить так. В обозримом будущем нет реальной возможности сделать все виды труда высокосодежательными. Выход заключается в том, чтобы создать условия для свободного перехода рабочих от одних видов труда к другим. На основе высокой общеобразовательной подготовки можно дать широкое профессиональное образование, позволяющее работать на разных станках одного типа, на оборудовании разных типов, сочетать ручной труд с механизированным, физический — с умственным и т. п. Как организовать практически переходы от одной работы к другой — это, конечно, дело не столько социологов, сколько специалистов промышленности. Авторы книги благоразумно останавливаются на общей идее.

Правда, в книге есть и конкретный пример «стихийного» решения проблемы самими рабочими. На Охтинском химкомбинате в Ленинграде оператор высокой квалификации (работа сидячая) каждые 45—50 минут берет тачку и сам снимает в нее готовую продукцию. В это время за процессом следит другой оператор. Потом они меняются местами. Это физическая разгрузка, элементарный пример смены труда.

Вывод, по-моему, может быть один: нужно найти методы определения **социальных** последствий повышения образования. Последствия эти необходимо измерить и сопоставить с теми **экономическими** затратами и потерями, которые несет общество, обеспечивая опережающее развитие народного образования. Если высокое образование не нужно на данном рабочем месте, это не значит, что оно не нужно вообще. Но необходимо точно уяснить себе размеры «платы» за него.

Я коснулся лишь двух — и относительно простых — проблем, рассматриваемых в книге. Она исключительно богата материалами и мыслями. Каждый социолог прочтет ее с

большой пользой для себя. Жаль только, что написана книга непостижимо тяжелым языком и исключительно сложно построена.

В целом же социологию можно поздравить с большим достижением.

КОГДА ЖЕ ПРИДЕТ СПЕЦИАЛИСТ?*

Еще раз о подготовке социологов

Социологией у нас занимаются или пытаются заниматься многие тысячи людей. В научных учреждениях создано множество групп, секторов, отделов и лабораторий конкретных социальных исследований. В вузах преподаватели общественных наук из традиционных историков, философов, политэкономов и т.д. массами «перекрещиваются» в социологов. Сотни исследовательских групп на общественных началах появились при партийных и комсомольских органах. Собственных социологов заводят промышленные предприятия. Все сходится на том, что социология стала модой.

Если судить по внешности, мы переживаем период бурного расцвета социологии. Приглядевшись повнимательнее, замечаешь некоторые парадоксы. Главный из них — социология существует без социологов.

Серьезные научные работники нередко опасаются нынешней моды на социологию — тут недолго и скомпрометировать молодую науку.

Некоторые практики считают, что «социология стала модной в хорошем смысле этого слова», а вот социологи «равнодушны к черновой работе», равнодушны чуть ли не к социальной практике. Социологи должны, дескать, прийти на заводы, чтобы изучать, планировать и регулировать социальные процессы. Беда, однако, в том, что на заводы прийти некому — специалистов-социологов у нас нет. Конечно, если не считать социологами всех, кто хотел бы заниматься социологией, или хотя бы даже тех, кто пробует заниматься ею, кто занимает штатные места в научных институтах и лабораториях или входит в разного рода научные группы на общественных началах. Имя «социолог» в применении к подавляющему большинству из них — не более как псевдоним. Практикам это, видимо, неизвестно из-за недостаточной информации.

В стране нет пока ни одного специалиста, получившего специальную социологическую вузовскую подготовку. Есть, правда, несколько десятков научных работников — философов, экономистов, историков, юристов и т.д., — которые самостоятельно разобрались кое в каких вопросах социологии. Это энтузиасты-первопроходцы. Некоторые из них провели и уже опубликовали совсем неплохие

* Литературная газета № 2, 1969 г.

социологические исследования. Но все это капля в море, и первые дельные социологические труды — это те первые ласточки, которые весны не делают.

Для массы же нынешних социологических исследований характерны, к сожалению, низкий научный уровень, не всегда правильное определение самих проблем, подлежащих исследованию, неверная постановка целей, слабость методики и техники. Можно привести много примеров по любому из этих пунктов. Ограничимся одним, наиболее простым.

Более десяти лет продолжается изучение текучести рабочей силы на предприятиях и стройках. Занимались этим в общей сложности тысячи людей. Разработаны практические предложения, опубликованы статьи, брошюры и монографии, защищены диссертации. Никто как будто не сомневался в возможной практической ценности этих работ. Исследования широко финансировались и горячо поощрялись. Как же они сказались на практике? Удалось ли сократить текучесть? Увы, текучесть кадров растет. Растет, несмотря на то, что многие объективные условия изменились к лучшему. Громадные и дорогостоящие исследования с практической направленностью большой пользы практике пока не принесли. Почему? Прежде всего потому, что неверно была определена цель исследований. Почти все изучавшие текучесть почему-то думали, что ее надо ликвидировать. Ни более ни менее. Соответственно целью исследований были поиски путей такой ликвидации.

Что же думали «ликвидировать» и поиски молодежью дела по душе, и переход квалифицированных рабочих на работу по специальности, и миграцию населения из села в город? Ведь все эти процессы неразрывно связаны с текучестью. Да нет, просто об этих связях как-то не думали. Трудно найти пример менее социологического мышления. В результате, вместо того чтобы обратить особое внимание на те элементы текучести, с которыми действительно надо бороться, разрабатывались расплывчатые «глобальные» предложения, которые мудрено, а то и просто невозможно использовать на практике.

Из тяжелого положения наша социология может выйти единственным путем — путем подготовки специалистов. Главные заинтересованные стороны — Советская социологическая ассоциация и Академия наук — давно за такую подготовку. Кто же против? Как это ни странно, Министерство высшего и среднего специального образования СССР. Почему же оно против?

В последние два года мы неоднократно беседовали с заместителем министра Н. И. Моховым. Его позиция постоянна и неизменна. Суть ее такова. Что такое социология — неизвестно. Никаких особых социологов быть не может. Надо дать знания по конкретным

социальным исследованиям философам, экономистам, историкам, юристам и т.д. Вот эти философы и прочие и будут вести социологические исследования.

Трудно спорить с тем, что некоторые познания в социологии могут принести большую пользу философу или экономисту. Например, экономист будет видеть в рабочем не только «рабочую силу», но и личность. Но могут ли представители совсем иных научных специальностей, прослушав курс социологии, плодотворно вести социологические исследования? Н. И. Мохов убежден, что могут. Мы убеждены, что нет.

Попробуем обосновать свое мнение с помощью аналогии, призвав читателя в арбитры. Многие наши читатели не только изучали основы философии в вузе, но и сдавали по этому предмету кандидатские экзамены. Конечно, аспирантский «минимум» — не бог весть какие высоты научной подготовки. Но все же уровень его много выше уровня обычного вузовского курса. Однако подготовлены ли сдавшие кандидатский экзамен к научной работе по философии? Если не говорить о философам по специальности, ответ может быть только один — нет, не подготовлены. Какие же имеются основания думать, что обычный лекционный курс достаточен для подготовки исследователя социальных проблем?

Философ останется философом и экономист — экономистом со свойственными им методами работы, подходами, стилем мышления. Как имеется математическое или экономическое, так имеется и социологическое мышление. Что это такое — трудно объяснить в газетной статье, однако разницу стилей мышления легко уловит всякий, кто послушает научную дискуссию между социологами и несоциологами.

Вот этого-то социологического мышления, социологического подхода, проникновения в «логику» социологии нельзя добиться иначе, как специальной подготовкой (мы не говорим, разумеется, об отдельных счастливых случаях).

...Итак, министерство против. Правда, в декабре министерство приняло, наконец, решение о создании кафедры методики конкретных социальных исследований на философском факультете Московского университета. Но может быть, читатель подумал, что учреждение кафедры будет означать и подготовку социологов? Как бы не так! Работники кафедры будут читать общие социологические курсы студентам гуманитарных факультетов. Это, конечно, шаг вперед, но какой мизерный!

Задаем Н. И. Мохову вопрос: а почему бы не открыть хотя бы такие же кафедры в Ленинградском, Новосибирском, Свердловском университетах — там, где есть кадры преподавателей? По мнению Николая Ивановича, об этом говорить еще рано. Нет, дескать, программ, нет учебников, нет монографий. Вот надо сначала все это иметь, а тогда поглядим.

Опять странная постановка вопроса. Откуда же будут программы и учебники, если нет кафедр? Разработка нового учебного курса, да еще по едва складывающейся научной дисциплине, — дело совсем не такое простое и легкое. Все это может, видимо, вырасти из лекционных курсов. Получается замкнутый круг: нет учебников — не будем учреждать кафедры; нет кафедр — не будет учебников. Поистине проблема курицы и яйца!

А как же все-таки быть с подготовкой собственно социологов? Николай Иванович выкладывает основной довод министерства. Вузы должны готовить специалистов указанных в перечне специальностей. Специальности социолога там нет. А специальности нет потому, что народное хозяйство не предъявляет, дескать, требований на социологов. Нет ни одной заявки на молодых специалистов того профиля.

Увы, и этот довод нас как-то не убеждает. Во-первых, мы знаем, что заявки есть. На философский факультет МГУ заявки на социологов присылали Госкомитет по гражданскому строительству, Министерство радиопромышленности, Министерство морского флота и другие организации.

Во-вторых, кадровики знают, что такой специальности нет, потому и заявок не посылают. Так что Н. И. Мохов следствие выдает за причину.

В-третьих, в штатных расписаниях большого количества научно-исследовательских институтов и лабораторий предусмотрены целые секторы и даже отделы конкретных социальных исследований. Социологи предусмотрены в штатах 35 отраслевых лабораторий НОТ (научной организации труда). Можно долго продолжать список организаций, нуждающихся в социологах. Думаем, что в этом нет нужды. «Серьезность» довода Министерства высшего образования и без того ясна. Отметим только что в системе Академии наук создан специальный Институт конкретных социальных исследований. Кстати, академия не только создала институт, но и поставила во главе его своего вице-президента. Вот это серьезный подход.

Сошлемся наконец, на мнение практика, человека, стоящего в гуще жизни, — заместителя секретаря парткома Уральского автомобильного завода В. Мраморова: «Наступили времена, когда заводских партийных работников стыдят, если у них нет социологов». И далее: заводу нужны социологи, чтобы «разрабатывать стратегию и тактику лечения болезней коллективов, планировать социальные процессы» («ЛГ», № 25).

На малополезные споры вокруг подготовки социологов затрачено много лет. При желании можно спорить бесконечно. Позиция министерства нам кажется такой: «Поглядим, подождем, может быть, дилетанты дадут нам хорошие новые доводы против подготовки социологов». Более странную позицию трудно себе представить.

Без социологов-специалистов не будет социологии!

Подготовка будущих социологов в вузах — главный путь. Но, конечно, не единственный. Допустим, что социологов начнут готовить уже в этом году. Тогда первых профессионалов мы получим через пять лет, настоящими специалистами они станут года через два-три после вузов. Лет через 10 мы сможем прочитать их труды и получить от них солидные практические рекомендации. Нужно ли и можно ли ждать столько?

К нашему счастью, сейчас мало кто стоит на позиции Министерства высшего образования. Приятно сообщить, что Университет марксизма-ленинизма при МГК КПСС еще в 1966 году организовал факультет социологических исследований, на котором в 1967 году обучалось около 500 человек. Весной прошлого года факультет окончили первые 150 выпускников-социологов.

Другой путь ускоренной подготовки — обучение непосредственно в процессе исследований. Высокая эффективность его хорошо известна нам по опыту Сибирского отделения АН СССР. Правда, этот путь требует руководителей с очень высокой научной подготовкой. Почему бы не направлять начинающих социологов на стажировку в относительно крупные, сложившиеся социологические коллективы, ведущие, большие конкретные исследования?

Наверно, можно готовить социологов-исследователей и на заводе, как это предлагает В. Мраморов. Но для этого опять-таки нужны очень знающие специалисты.

Как пишет в недавно вышедшем ежеквартальнике «Социальные исследования» академик П. Н. Федосеев, «вопрос о социологическом образовании — вопрос будущего социологии». Лучше не скажешь!

ОТКУДА БЕРУТСЯ СОЦИОЛОГИ*

Социология нынче в почете. От нее многого ждут. Ожидания, правда, не всегда сбываются, но это, кажется, пока не вредит ее популярности. Во всяком случае, серьезные и давние опасения ваших крупнейших социологов, что дилетанты скомпрометируют новую науку, к счастью, не сбылись.

В последние годы было издано несколько значительных социологических исследований. Некоторые из них вышли небывалыми для серьезной научной литературы тиражами. Попробуйте, однако, найти в книжном магазине, скажем, двухтомник «Социология в СССР», или «Социологию личности» И. Кона, или «Мнения о мире и мир мнений» В. Грушина!

Возьмем сторону вполне практическую. В последние годы ни одной социологической проблемой не занимались, пожалуй, так много, как текучестью кадров. Еще несколько лет назад почти всеобщим был узко экономический подход к этому явлению. Текучесть, дескать, — явление со всех сторон вредное, а ее надо полностью искоренить. Но вот передо мной новейшая книга на эту тему: «Опыт исследования перемены труда в промышленности», написанная сибирскими экономистами и социологами на основе громадных исследований. Читаем: «Расшифровка мотивов ухода рабочих по собственному желанию, проведенная в социологических исследованиях, не подтвердила... предположения... что любой уход по собственному желанию нежелателен с точки зрения предприятия и с точки зрения на родного хозяйства». Отсюда следует, что необходимо выяснить народнохозяйственное и социальное значение разных видов текучести и принимать меры к сокращению только тех, которые действительно вредят.

Интересно, что именно на такой позиции стояло и большинство участников недавнего совещания по трудовым проблемам Украины, которое собрало преимущественно экономистов, статистиков и географов — отнюдь не социологов. Это говорит, по-моему, о том, что широкий социологический подход к важным социально-экономическим явлениям все активнее пробивает себе путь в среду научных работников.

Думаю, что новая позиция исследователей приведет в конечном счете к существенному сокращению текучести кадров, ибо практические рекомендации теперь

* Литературная газета № 12, 18 марта 1970 г.

будут не «глобальными», а направленными на сокращение именно того, что следует и что можно сокращать.

Я говорю о текучести лишь потому, что это случай достаточно простой и многим известный. В последние годы есть большие достижения в изучении и социальных проблем женского труда, и общественного мнения, и бюджетов времени, и миграции населения, и т. п.

Есть у советской социологии достижения и иного характера. В 1967 году в Академии наук СССР был создан Институт конкретных социальных исследований. К настоящему времени он прошел стадию организации и стал крупным научным центром, от которого можно многое ожидать. Институт собрал солидные научные силы, пригласив к себе ведущих социологов Москвы, Ленинграда, Новосибирска.

Однако могут усомниться: «Достижение? Разве не естественно, что наука имеет свои исследовательские учреждения, в том числе и центральные, ведущие научные институты?» Так-то оно, конечно, так. Но разве не знаем мы случаев, когда важной общественной науке не только не удается создать свой институт, но даже восстановить ранее существовавший? Так, демографы, несмотря на все усилия, не могут воссоздать хотя бы один институт демографии из двух академических, существовавших прежде. Разве не в отсутствии крупных специальных научных учреждений — главная причина того, что ученые до сих пор не смогли столкнуться, скажем, относительно причин неблагоприятных демографических явлений и не смогли пока разработать научные основы демографической политики?

Наконец, к достижениям надо отнести и работу Советской социологической ассоциации. Объединяя большинство активно работающих в социологии научных работников независимо от их формальной принадлежности к той или иной науке, она вносит неоценимый вклад в развитие своей отрасли науки, повышая квалификацию членов ассоциации, проводя рабочие заседания исследовательских комитетов, научные совещания.

Все это позволяет очень оптимистично смотреть на будущее нашей социологии. Спрос со стороны практики и предложение со стороны науки — что же еще нужно для расцвета энергичной, многообещающей научной дисциплины?

Нужно совсем «немного» — нужны подготовленные кадры. Нынче чуть ли не каждое уважающее себя промышленное предприятие, не говоря уже о главках и министерствах, стремится обзавестись собственной социологической лабораторией. Чрезвычайно популярны стали «планы социального развития» заводов.

Но кто работает в этих лабораториях, кто составляет планы? Что за люди? Вот одно из последних свидетельств («Известия» от 27 октября 1969 года, И. Голембиовский, «Социолог на заводе»): социологами работают: механики, инженеры, педагоги, историки, математики, геологи, филологи, даже бывшие летчики! Если бы собрать полную статистику, то оказалось бы, что социологами числятся представители сотен весьма почтенных специальностей. Но ведь ни одного социолога наши вузы пока не выпустили и когда выпускают — неизвестно. Много ли сделают в социологии, например, геологи? Примерно столько же, сколько социологи могли бы сделать в геологии...

Пусть не поймут меня так, что я против работы в социологических лабораториях математиков, инженеров и даже тех же филологов. Совсем нет. Я только за то, чтобы в социологии работали и социологи.

Может быть, пока их нет и социологические лаборатории не спешить заводить? Не думаю.

Давайте, с другой стороны, попробуем понять и тех руководителей, которым позарез нужна социология. Если социологов не готовят, а кое-кто еще и утверждает, что и готовить их не надо, поскольку с этим нехитрым, по их мнению, делом может справиться кто угодно — хоть философ, хоть филолог, то приходится брать просто грамотных людей, надеясь, что они «дойдут» в работе.

Иной раз так и получается. В конце концов нынешние наши социологические «звезды» — тоже самоучки. Но каких издержек такой путь подготовки стоит! Сколько иногда добывается банальнейших истин, ради которых и огород городить не стоило. А главное — сколько насущных проблем не решено!

Недавно мне пришлось участвовать в конференции по сельской социологии, организованной Советской социологической ассоциацией, Академией наук и Министерством высшего и среднего специального образования Белоруссии. Очень разноречивые остались впечатления. С одной стороны, радовало, что социологией активно заинтересовались работники сельскохозяйственной науки и сельского хозяйства, что конференция проходила в Белорусской сельскохозяйственной академии — первом сельскохозяйственном вузе страны (первая конференция в первом вузе — в этом есть даже что-то символическое), что формально республиканская конференция оказалась фактически всесоюзной, что на ней был ряд интереснейших докладов. С другой стороны, огорчал уровень ряда докладов. Некоторые товарищи, например, усердно доказывали, что для большинства работников сельского хозяйства, особенно молодежи, в отношении к труду характерна ориентация на содержание труда и другие ценности, но отнюдь не на заработок. Надо ли доказывать, что молодежь бескорыстна? Но можно ли, с другой

стороны, доказать, что заработок для колхозника неважен? А выводы могли бы быть совсем иными, если бы, кроме ответов на поставленные в лоб вопросы, были использованы и объективные данные.

Или возьмем другой пример. В докладах, посвященных миграции сельского населения Белоруссии, весь пафос был направлен на осуждение ухода в города сельской молодежи и на поиски мер, которые могли бы задержать молодых людей в деревне. Докладчики совсем не задавались вопросом: как обеспечена белорусская деревня рабочей силой? Не хватает ее или она в избытке? А в этом суть.

Эти примеры я привел совсем не для того, чтобы упрекнуть исследователей. Им можно, скорее, посочувствовать. Эти исследователи — работники кафедр общественных наук вузов. Условия их научной работы несравненно хуже, чем работников академических учреждений. Их беда — недостаточная социологическая научная подготовка.

Вот мы и подошли наконец к главному — к вузовской подготовке социологов. Такой подготовки нет. Более года назад в № 2 «ЛГ» за 1969 год автор этой статьи вместе с Д. Зюзиным писал об этом в статье «Когда же придет специалист?». Вся беда — в позиции руководящих работников Министерства высшего и среднего специального образования СССР.

Что изменилось за год? Недавно в министерстве я снова вел разговор на эту тему. Теперь уже там не считают, что нет потребности в социологах, что на них нет «заявок». Работники министерства утверждают даже, что они делают все необходимое и все от них зависящее. Что же, однако, они делают? Как и год назад, изучают опыт работы социологических лабораторий. Для чего? Чтобы выработать конкретные рекомендации относительно деятельности лабораторий. Но ведь речь идет о подготовке кадров, а не о работе лабораторий! Затем сообщали, что социологов «вообще» готовить нельзя: никто, видите ли, не знает, что такое социолог, никто не возьмется готовить «чистых» социологов...

Таким образом, сдвигов в позиции министерства за год не произошло. Есть сдвиги только в аргументации.

И все-таки нельзя сказать, что социологов вообще не готовят. Идет подготовка кадров через аспирантуру. Но аспирантов, естественно, не может быть много. Идет усиленная «самоподготовка» узкого круга энтузиастов, в основном объединенных в ассоциации. Однако большинство «социологов по должности» по-прежнему продолжают считать, что вся социология сводится к анкетированию. Других методов социологического исследования они попросту не знают, и анкета представляется им

универсальной отмычкой. Некоторые полагают, что проблемы социологии они могут решить математическим путем. Видимо, эти «детские болезни» были неизбежны, но слишком уж они затянулись.

Для серьезной подготовки большого числа социологов нужны, конечно, учебники. Оригинальных учебников мы еще не имеем, чужие далеко не во всем нам подходят. Следовательно, надо всячески форсировать подготовку собственных, советских, учебников. Здесь без Министерства высшего и среднего специального образования не обойтись. Почему бы ему не объявить конкурс на учебники социологии?

Возможности развития социологии у нас громадны. Желающих заниматься социологией много. Но общество наше вскоре спросит с социологии по полному счету.

Не пора ли спросить и с тех, кто ответствен за подготовку кадров социологов?